

Время вещей и время людей (две заметки о времени)

Марк Найдорф¹

***Аннотация.** В этом эссе обсуждаются возможность инструментального понимания времени и категория «время» в применении к связному описанию природных процессов и социальных ситуаций. Автор подчеркивает относительность «времени» в его инструментальном применении. Также автор показывает, что продолжительность применяемых временных периодов и их градация зависят от масштабов описываемых явлений и ситуаций, намерений нарратора и свойств нарратива.*

***Ключевые слова:** время, процесс, связность, событие, ситуация*

1. Внутреннее время вещи

Вещь

Ещё в середине XIX века некоторые математики и философы обсуждали идею многомерности пространства. Если наше физическое пространство, как представляется, имеет размерность, то ничто не может помешать математически представлять себе пространство размерности, или даже доказывать геометрические теоремы о четырехмерных математических объектах.

Как бы то ни было, в математике, в жизни из любого места, где бы мы не находились, есть только три основных направления — «вперёд-назад», «влево-вправо» и «верх-вниз». Например, никто не может покинуть комнату, образованную двумя парами противоположных стен, полом и потолком, — не столкнувшись с одной из этих границ.

В принципе, каждая комната это — «коробка», которая вообще-то может быть любого размера и любых пропорций. В этом смысле комната — такая же вещь, как и обувная коробка, только большая. Вот и туннель можно считать коробкой, только большой и очень длинной. Кстати, такой «коробкой» может быть и сфера, в которой движение описывают всё теми же трехмерными координатами. Четыре направления по сторонам света и вертикальная ось ставят каждого из нас в центр такой воображаемой сферы.

Но могут быть «коробки» еще более условные. Лес, например, есть особого рода «вещь», внутри которой люди и звери могут направляться вперёд-назад (будто между одной парой стен), и вправо-влево (между другой), и вверх-вниз от места, где находятся в данный момент. Да и сам лес описывают как вещь: дана его протяженность в двух направлениях (его площадь) и к ней можно добавить третье измерение, например, среднюю высоту деревьев. Получается объём древесины.

Вещь — всегда единица, целостность, рядоположенная другим вещам и людям, которые с определенной точки зрения являются тоже вещами. Даже сам

Космос, если понимать его так, как понимал, к примеру, Птолемей, есть тоже вещь, ограниченная вращающейся сферой небосвода — единственная в своём роде и предельно большая вещь. О том, что у древних «Космос есть тело абсолютное и абсолютизированное», — писал знаток Античности Алексей Федорович Лосев в «*Двенадцати тезисах об античной культуре*» (тезис VII)². Понятно, что если речь идет о космосе как о теле, то говорят о вещи.

Надо заметить, что эти три измерения, сплетённые вместе, — довольно примитивный способ описания, поскольку ими можно характеризовать вещи только в отношении места, которое они занимают среди других вещей. Но, хотя вещи обладают множеством качеств (например, лес бывает и лиственный, и хвойный, и смешанный), в каких-то случаях важен только размер места, которое они занимают среди других вещей.

Неизменность

Если бы люди и в самом деле рассматривали мир только с точки зрения его трёхмерности, они бы и видели его как множество вещей, расположенных рядом, одна за другой или одна в другой. Но в жизни всё сложнее и разнообразнее, хотя такое, «вещное», видение мира и прежде, и сейчас тоже, имеет своё применение. Указывая на вещи, чаще всего имеют в виду их свойство хранить неизменность. Гора — вещь и море — вещь, коза — вещь и крепость — вещь. Человек-раб тоже вещь (у Аристотеля, раб — одушевленное орудие, а орудие — неодушевленный раб).

В прошлые века образ жизни людей менялся медленно, а человек жил, по современным представлениям, недолго. Поэтому неизменность жизни казалась очевидной: мир, который со смертью человек покидал, мало чем отличался от того, который он застал в молодости. И не было оснований сомневаться в том, что Бог изначально создал земной мир таким, каким видят его люди спустя тысячелетия от сотворения мира. Арон Яковлевич Гуревич писал в «*Категориях средневековой культуры*»:

«Мир не воспринимался в средние века в изменении.
Он стабилен и неподвижен в своих основах».³

И даже вполне научная классификация Карла Линнея, уже в XVIII веке, полагала виды неизменными и созданными по божественному плану.

В конце концов, людей прошлого можно понять: в их глазах надёжная неизменность вещей и природы, включая и неизменный космос, была условием надёжности и устойчивости самой человеческой жизни.

Изменчивость

Неизменность мира не означает его бездвижности. Тела, которые Создатель или Природа снабдил/а движением (планеты и звёзды, люди и животные, брошенный камень, ядро, вылетающее из пушки и т.д.), движутся, но они от того

не меняются. Космическая механика Кеплера-Ньютона поражала как раз постоянством этого сложно и точно движущегося мира.

Перемены в вещах попали в центр всеобщего внимания по историческим меркам очень недавно, лишь к началу XIX века. Но прежде, чем изменчивость природы была осознана большинством, развитие в природе стало явным для естествоиспытателей — по мере их углубления в исследования Земли и ее животного мира.

Например, при поиске полезных ископаемых ученые обследовали разломы, возникшие после землетрясений, извержений вулканов, при оползнях и обвалах и т. п. И в геологических слоях различной глубины были обнаружены останки вымерших видов живых существ. Выяснилось, что животный мир, как и сама поверхность Земли, приобрели современный вид после длительных и значительных изменений, т. е. с прошлым нас связывают повсеместно протекающие *процессы*.

Ряд знаменитых теорий на этот счет сменяли одна другую. Например, Жорж Кювье (1769—1832) считал, что изменения происходят как бы толчками, вследствие периодически случавшихся катастрофических событий на поверхности Земли, из-за которых менялся рельеф, гибли животные. Леопольд Бух (1774-1853) отводил трансформирующую роль вулканизму. В 1830 году Чарлз Лайель (1797-1875) в знаменитых «*Основах геологии*» показал, что медленные геологические процессы под влиянием одних и тех же факторов имели место на протяжении всей истории Земли, включая современность. Работа Лайеля, кстати, произвела большое впечатление на Чарльза Дарвина (1809-1882), который построил теорию эволюционных изменений, *саморазвития* живой природы путем естественного отбора. Можно напомнить о значительном в XIX веке влиянии на умы современников сравнительной анатомии и эмбриологии, которые, по сути, были «историями развития животных» — так назывался капитальный труд Карла Бэра (1792—1876), опубликованный в 1828-1837 гг.

Историзм

Обобщая, можно сказать, что в XIX веке все биологические науки (науки о живом) признали и приняли очевидность развития, приняли неизбежность, говоря шире, *истории* любого своего объекта — от яйцеклетки до популяции. Причем, саморазвитие живого радикально отличалось от движения вещей *определенной направленностью и качественной невозвратностью*. Таково, например, эмбриональное развитие, которое состоит из цепочки последовательных фаз. Точно так же направлена в одну сторону (от детства к старости) цепь биологических фаз жизни любого человека или животного.

Сокрушительная новизна повсеместно открываемой историчности выросла из естествознания, но на протяжении XIX века, который называют ещё «веком историзма», охватила все сферы человеческой мысли. *Историзм*, конечно, вошел и в историческую науку, в которой сформировалось представлений об историческом процессе.

Историзм определил, например, подходы в искусствоведении: в художественных музеях привычно видеть вещи, размещенные в хронологическом порядке так, чтобы сделать понятным этот самый исторический

процесс в искусстве. В XIX веке и позже появились разные специальные «истории», как, например, истории математики, химии, физики и других отдельных наук, история естествознания в целом, история философии, история идей, история машин и тому подобное.

Внутреннее время вещей

Суть нового подхода состояла в открытии во многих вещах их собственного внутреннего времени. Пример куриного яйца может пояснить эту мысль.

В природе яйцо — вещь, существующая в своей целостности от момента, когда оно снесено, до момента, когда оно разрушено вылупившимся цыплёнком. Время существования этого яйца мы определяем днями и часами, т. е. единицами универсальными, которые не связаны особенным образом с данной вещью. Это — внешнее время яйца.

Когда Карл Бэр в 1820-х годах изучал эмбриогенез цыплёнка, он изучал течение собственного, внутреннего времени яйца — от оплодотворения до вылупления. То, что в этом случае измеряется — это фазы развития, цепь которых начинается и заканчивается в каждом яйце особо. Когда говорят, что «вылупление происходит на 21 сутки», имеют в виду событие *внутреннего* времени, которое описывает порядок чередования фаз развития эмбриона, начиная отсчет каждый раз от его старта в данном конкретном яйце.

Внутреннее время во многих случаях легко отличить от внешнего. Скажем, футбольный матч может быть назначен на пять часов вечера и закончиться в семь. Это — внешнее время. А вот момент, когда был забит гол, описывают в терминах внутреннего времени, скажем, «гол забит на двадцать второй минуте матча». То же различие наблюдаем, например, в школе. Два вопроса отражают два разных времени школы, внешнее и внутреннее: 1) который час? — вопрос о внешнем счете времени; 2) сколько до звонка? — вопрос о времени внутри школы.

Четырёхмерность пространства

Во всех трех приведённых выше примерах внешнее время относится к существованию вещи: стадион с футбольным полем вполне физическая вещь, и книга — вещь, и школа. Но эти — и многие другие — вещи могут быть вместителями процессов (здесь последовательно: игры, чтения и обучения), и тогда каждая такая *вещь* становится *пространством*. Коробка сцены становится пространством театральной игры, коробка спортивного зала — пространством баскетбольного матча, куриное яйцо образует пространство развития зародыша, художественное пространство романа — область взаимодействия персонажей. И даже космос становится в нашем понимании пространством, *космическим пространством* там, где мы различаем процессы, уникальность которых состоит в том, что они имеют начало и конец, т. е. имеют собственное, внутреннее время. Например, полет искусственных объектов в околоземном или околосолнечном и даже далее пространствах.

Когда вещь становится пространством, её описание требует ещё одного параметра, специфического для всякого процесса. Этот параметр — *время*. Время — универсальный способ описания любого процесса, взятого как

последовательность состояний, смена которых ведёт к определенному финалу, а каждое новое состояние процесса является в нем событием, имеющим необратимые последствия. Время, таким образом, является средством описать порядок чередования событий, существенных для данного процесса.

Фазы развития эмбриона, уроки и перемены в школе, этапы формирования личности (согласно возрастной психологии), регулярные финансовые отчеты в бизнесе, бракосочетание с рождением детей и переездом в новую квартиру и т.д. (в пространстве отдельной семьи) — всё это примеры событий, цепочкой своей образующих время внутри соответствующих пространств. Поэтому в школе говорят, что дети пошли на экскурсию «после третьего урока». В политическом процессе в качестве событий бывают, например, выборы, из-за чего, скажем, сроки президентства описывают не астрономическими годами, а «каденциями».

Как выразить кратко различие трёхмерного «места» и четырёхмерного «пространства»? Оставьте без внимания время в пространстве, и оно превратится для вас в вещь. Там, где нет процесса — нет и времени. Где нет времени — есть только вещи. Для описания вещей достаточно трёх измерений. Но там, где нужно описать пространство, там необходимо включить четвёртым измерением время.

2. Человеческое время

Наличная и текущая ситуации

Органы чувств наделяют человека способностью худо-бедно позиционировать себя в трехмерности мира. Мы видим и можем оценить, что от нас далеко, а что ближе, что выше нас или ниже и т.д. Слух и обоняние дополняют эти данные, которые вместе позволяют определить свое местонахождение в мире вещей. Но наши органы чувств (как и у животных) сообщают только о наличной ситуации — той, в которой нужно построить поведение в данный момент. Для человека этого явно недостаточно. В большинстве случаев мы включаемся в уже текущую ситуацию, находим момент вхождения в нее и строим предположения о последствиях своего вмешательства.

Для примера достаточно напомнить о ключевых жизненных ситуациях: о браке, об учебе, о выборе профессии, места жительства, работы и отдыха и прочее. Все эти «включения» происходят с учетом предыстории и последствий, которые нельзя не учитывать так или иначе. Поэтому культура, «вторая природа» человека, учит видеть ситуации в их развитии, учитывать *события*, бывшие ранее или предполагаемые в будущем. В культуре эти события даны нам уже *опосредованно* — как знания о них.

Способность к опосредованному усмотрению, что называется «на основе информации», — от природы человеку не дана, ей обучаются. Каждый овладевает ею при жизни, причем, в формах, присущих культуре его времени, его культуре. Например, тот, кто совершает посев, надеется на будущий урожай. Эта связь дана ему культурой. Древний египтянин верил в грядущий урожай в свете мифа об умирающем и возрождающемся боге Осирисе. Сейчас на фермерских курсах понимание связи посева и урожая (в процессе развития растения) передается в совсем ином оформлении. Так везде. Для понимания любой революции необходима реконструкция всего процесса, который к ней

привёл. Как и для понимания экономического кризиса. Или движения научной мысли. В искусствоведении принимают во внимание не только саму вещь — предъявленный автором итог художественного труда, который мы можем увидеть, например, в музее, — но и те личные и историко-культурные события, в связи с которыми произведение появилось, и даже жизнь этого произведения в истории. Примеров сколько угодно. Принцип понятен: *знание возможно, а понимание не возможно без временной перспективы*.

Чувство времени

Благодаря переходу от схватывания только наличной ситуации — к человеческому пониманию, осознанию связности процессов, формируется человеческое *чувство времени*. Однако, в случаях, когда наше мышление поглощено наличной ситуацией, чувство времени исчезает. Так бывает, например, при острых переживаниях, когда люди вдруг чувствуют, что «время остановилось». Можно сказать, что потрясение (не важно, чем: пейзажем, художественным произведением, новостью и т. п.), которое привязывает сознание к данному моменту, «останавливает» время.

За пределами этих особых «шокирующих» ситуаций, в обычной жизни кажется, что время дано нам как бы само по себе, что события всегда очевидным образом просто следуют одно за другим. Так оно и есть, но только в непосредственно наблюдаемой реальности. То, что шире ее, требует конструирования времени.

Скажем, предметные свидетельства о прошлом, представленные как «материальная культура» — сохранившиеся археологические, фольклорные, письменные (дневники, письма, приговоры, приказы и т. д.) и все другие «источники»-вещи — это факты, доступные нашему непосредственному восприятию здесь и сейчас. Но в жизни их связывали люди, которые включали эти вещи в свою деятельность, и их еще раз связывает *временной* перспективой тот, кто об этой деятельности рассказывает: не о вещах рассказывает, а о деятельности людей, в которую эти вещи включены.

Люсьен Февр в рецензии на труд Фернана Броделя об историческом значении Средиземного моря говорит о включенности моря в жизнь окружающих его народов, что «впервые море <...> возведено в ранг действующего лица истории»⁴. Значит, даже такая по человеческим масштабам безмерная и вечная вещь, вовлеченная в человеческую деятельность, приобретает в ней временное (историческое) значение.

Разница во времени

Итак, можно сказать, что *время — это способ выразить представление о смысловой связанности событий человеческой жизни и деятельности*. Мы говорим, что нечто «длилось долго», когда хотим подчеркнуть непрерывность процесса, сцепление его звеньев. И, наоборот, когда мы говорим о том, что произошло «когда-то давно», мы как бы отказываемся от смысловой и временной связи с этим событием, отчленяем его, «оставляем» его в ином от нас прошлом. Фраза «Распалась связь времен» в «Гамлете» как раз об этом.⁵

Празднование годовщины давней битвы или юбилея знаменитого человека — это заявление о связи давнего факта с современностью. Скажем, празднование 250-летия со дня рождения Бетховена — это декларация причастности его «Девятой симфонии» к современной культуре, в определенном ее понимании. В то же время, можно представить себе современника, который считает, что Бетховен — человек из далекого прошлого, уже не имеющего к нам отношения, тогда как настоящей классикой является теперь творчество группы «Beatles», и юбилеи этой «четверки» поэтому имеют глубокий смысл. Впрочем, теперь вообще нелегко находить предмет всеобщего согласия — ни о прошлом, ни о настоящем.

Время применяется для закрепления смыслового единства. Война «Алой и Белой розы» в Англии длилась, как считается, тридцать лет (1455–1485). За это время Англия пережила четырех королей. «Война Роз» включала в себя около двух десятков сражений, в которых нашли свою смерть около ста тысяч человек. Победители большинства из битв разгромом войск противника и казнью врагов-аристократов считали свое дело сделанным, но много раз ошибались.

Конечно, никто из них не знал, что участвует в «Войнах Роз».

«Современники этот термин не употребляли; более того, они не замечали связи между событиями. Англичане ругали «дурные времена», слишком частую смену королей, но никогда не воспринимали узурпации второй половины XV в. как единый династический конфликт».⁶

Само название этой исторической полосы в жизни Англии вошло в общее употребление только в XIX веке, когда давняя серия конфликтов стала восприниматься как единый процесс консолидации королевской власти. То есть время — тридцатилетие названной эпохи — было определено вслед за целостным осмыслением и специфическим наименованием этого периода для удержания его смыслового единства.

Рядом с этим примером можно поставить тридцатилетие 1914-1945 годов, внутри которого окажутся две мировые войны и ряд локальных войн, весьма чувствительных для судеб мира (после Первой мировой войны мир стал глобальным). Историк Александр Васильевич Гадеев писал об этом:

«В этой связи определенный интерес у специалистов вызывает высказанная еще У. Черчиллем точка зрения, согласно которой первая и вторая мировые войны представляют собой единый процесс: это одна война, состоящая из двух актов, отделенных один от другого коротким отрезком времени. Действительно, внутренняя связь обеих войн очевидна... Вторая мировая война началась задолго до считающегося формально днем ее начала 1 сентября 1939 г. ... Раскатами надвигающейся грозы были

и нападение Италии на Эфиопию, и мятеж фалангистов в Испании, и захват Австрии, и расчленение, а затем и оккупация Чехословакии. На Востоке эти раскаты прозвучали еще раньше, чем в Европе»⁷.

По всему видно, что, чем дальше отступят мировые события первой половины XX века, тем проще будет усматривать в двух мировых войнах две фазы одной «Мировой войны XX века».

Теперь, попробуем сравнить *время* этих двух тридцатилетий. Только один признак у них бесспорно общий: тридцать оборотов Земли вокруг Солнца, признак, надо признать, совершенно бесчеловечный, безразличный к человеку. Но только с этой, «естественной», точки зрения оба тридцатилетия равны. С «человеческой» точки зрения, то есть с той, которая зависит от представлений о себе и мире, в котором находят себя сначала участники событий, а потом и их историки, — с этой точки зрения времена эти совершенно различны: другая география, другой календарь, другая идентичность и другой стандарт биографии, другие основания принадлежности, другие ценности, цели, смысл жизни и т. д. Но для того, чтобы увидеть, что это *разные времена*, нужно понять, что это *разные пространства*.

Тут есть взаимная обусловленность: пространство возникает там, где выстраивается цепь событий, значимых для этого пространства, т. е. там, где есть время. Но, с другой стороны, отбор этих значимых событий определяется свойствами пространства. Значимыми (как и не значимыми) может оказаться любая вещь и любое человеческое действие, если они что-то меняют в значении соотнесенных с ними фактов. Вот, скажем, сирена гражданской обороны время от времени проходит опробование, и в этих случаях звук сирены не означает «тревоги»: никуда бежать не надо.

Когда мы говорим о пространстве, где в качестве фактов выступают не вещи, а человеческие взаимодействия, мы имеем в виду не физические пространства, а пространства социальные. Война — социальное пространство. Рынок — социальное пространство. В XX веке было осознано, что «пространства» могут быть образованы устойчивыми группами людей, объединенных в институции. Религия, наука, искусство образуют пространства человеческих взаимодействий. Другие примеры институций — семья, армия, политическая партия, футбольная команда. В них происходят процессы, ради которых эти институции существуют — со своим, каждый раз специфическим, времяизмерением.

Время, таким образом, есть представление, предназначенное для того, чтобы выразить связность изменений в живой и неживой природе. В человеческом мире представление о времени привлекается для описания пространств человеческого взаимодействия.

Библиография

Браун, Е. Д. *Эпоха Войн Роз: История. Мифология. Историография*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

- Бэр, Карл. *Об истории развития животных. Формирование индивидуальных качеств особи*. М.: Едиториал УРСС, 2016.
- Бродель, Фернан. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Хаин, В. Е., Рябухин, А. Г. *История и методология геологических наук*. М.: Издательство МГУ, 1997.
- Гадеев, А. В. «Мировые войны XX века». *Культура народов Причерноморья* 48, т. I (2004): <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/76589>.
- Гуревич, А. Я. *Категории средневековой культуры*. М: Искусство, 1984.
- Дарвин, Ч. Р. *Происхождение видов путем естественного отбора*. М.: Азбука, 2018.
- Кювье, Ж. *Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара*. М.; Л.: Биомедгиз, 1937.
- Линней, К. *Философия ботаники*. М.: Наука, 1989.
- Лосев А. Ф. *Дерзание духа*. М: Политиздат, 1988.
- Птолемей Клавдий. *Альмагест: Математическое сочинение в 13 книгах*. М.: Наука, 1998.
- Слотердаик, Петер. *Критика цинического разума*. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009.
- Февр, Люсьен. *Бои за историю*. М: Наука, 1991.
- Хаин, В. Е., Рябухин, А. Г. *История и методология геологических наук*. М.: Издательство МГУ, 1997.

Ссылки:

- ¹ Марк Исаакович Найдорф — канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. Найдорфа размещены на авторском сайте <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>
- ² Алексей Федорович Лосев, *Дерзание духа* (М.: Политиздат, 1988), 159.
- ³ Арон Яковлевич Гуревич, *Категории средневековой культуры* (М: Искусство, 1984), 140.
- ⁴ Люсьен Февр, *Бои за историю* (М: Наука, 1991), 178
- ⁵ Сравним: «Сомнение вызывала не возможность историко-критически разобраться в том или ином аспекте культурной жизни этого времени, а сама наша способность занять осмысленную позицию в вопросе о том, имеет ли по-прежнему Веймар самое непосредственное отношение к нам или же прямая связь с событиями того времени уже прервалась». Петер Слотердаик, *Критика цинического разума* (Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009.), 580.
- ⁶ Елена Давыдовна Браун, *Эпоха Войн Роз: История. Мифология. Историография* (М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016), 2.
- ⁷ Александр Васильевич Гадеев, «Мировые войны в XX веке», *Культура народов Причерноморья* 48, № 1 (2004), <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/76589/35-Gadeev.pdf?sequence=1>.